

А.И. Уткин

РОССИЯ И РУССКИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ИМАГОЛОГИИ*

Имагологией долгое время называли литературоведческую дисциплину, занятую анализом образов в художественных произведениях. Но сегодня имиджи прочно вытеснили попытки объективных восприятий, стали частью политической деятельности. Статья посвящена имиджу России в американской политологии. Показано, что имидж России не является односторонним продуктом, он зависит не только от восприятия ее американцами, но и от состояния самой России и от восприятия россиянами самих себя.

В статье рассмотрены события 1990-х гг., когда, следуя внешне про-западному курсу, Россия подорвала свой авторитет и имидж в США. Далее рассматривается изменение отношения к России в США в более позитивную сторону. Одновременно отмечено, что в период правления Дж. Буша-мл. в США действовали противоборствующие силы неоконков и политиков, по-разному понимающих значение России в мировом геополитическом раскладе. Обсуждаются принципы политической культуры президента Обамы, которые станут источником восприятия России в будущем.

Ключевые слова: *российские реформы, распад СССР, новые государства, терроризм, отношение США к России, политика США, имиджу России, национальные интересы, НАТО.*

Key words: *Russian reforms, dismantling of USSR, new states, terrorism, US policy, images of Russia, national interests, NATO.*

* Статья печатается по гранту РГНФ № 07-03-00165 «Американский взгляд на российские проблемы».

Введение

Стало почти привычным высказывать российские обиды в отношении Соединенных Штатов: отсутствие «плана Маршала», постоянное движение Североатлантического Союза на восток, своевольный выход Вашингтона из Договора 1972 г. по ПРО, отказ от предложения Т. Блэра о введении России в НАТО после огромнейшей помощи в победе над талибами. Всего в Афганистане погибло четыре американца — один работник ЦРУ и трое, погибшие в результате, как говорят американцы, «дружеского огня», т.е. убитые своими же по ошибке. Не испытав благодарности за организованный Россией Северный альянс, куда вошли узбеки и таджики, альянс, который понес много жертв, за разведывательную помощь, американцы продемонстрировали, что в их политической культуре нет понятия благодарности: еще не успели остыть трупы на улицах Кандагара, как уже были приняты некоторые из вышеупомянутых жестких и оскорбительных решений. Конечно, неоконсервативное правительство Дж. Буша-младшего сделало ставку на высокомерие силы, но и в прошлом, и в будущем у нас были и будут другие отношения с США, не всегда гладкие, часто построенные на четком представлении о главенстве национальных интересов США и некотором забвении того, что и Россия имеет свои легитимные национальные интересы.

Однако, говоря об образе России и русских, мы сами редко задаемся вопросом о тех причинах, по которым эти образы нам кажутся неадекватными, искаженными и высокомерными.

Немного истории

Нельзя забывать о помощи США России. После русско-японской войны 1905 г. американцы помогли нам заключить шадящий страну договор с Японией, по которому Россия потеряла только половину Сахалина. По программе Э. Гувера в 1921 г. американцы спасли 18 млн. голодающих Поволжья. В годы Второй мировой войны они были нашими союзниками и осуществляли снабжение по ленд-лизу.

Гораздо меньше внимания в России уделяют глубокому разочарованию США результатами выхода бывшего Советского Союза из коммунизма, политического и экономического развития России в 1990-е гг. А ведь только ощутив глубину американского разочарования, можно понять более жесткий, чем ожидалось беззаветными западниками, курс Вашингтона.

Антиисторичная по своей сути американская политическая элита в общем и целом не склонна к историческому анализу. В этом смысле десятилетие крушения Советского Союза обычным для американцев образом не вы-

звало никакого желания оценить значимость этого крупнейшего события конца XX века. Но американцев всегда остро интересует сегодняшняя реальность. И в этом плане американские специалисты по различным регионам бывшего Советского Союза постарались оценить прошедшее десятилетие 90-х годов прошлого века самым нелицеприятным образом.

Ни в одном из образовавшихся пятнадцати независимых государств не было движения за полную независимость, и выпавшая абсолютно неожиданно феноменальная свобода собственного государственного устройства пала на неподготовленную почву. Всем новым суверенным государственным организациям пришлось много импровизировать. Наибольшие трудности встретили те, кто фактически *никогда* не имел своей государственности. Во всех новых странах было два основания для импровизации: националисты и недоуменно воспринимающие свой крах коммунисты. Первые дали идеи, вторые свою организацию.

История никому (кроме, частично, Прибалтики) не давала пафоса самоопределения. Напротив, в Великой Отечественной войне *миллионы* граждан теперь новорожденных государств сражались и гибли за единое общее государство, и это желание жить вместе было продемонстрировано на референдуме 27 марта 1991 г., когда три четверти страны высказались за единство большой общей страны. Поскольку шанс самоопределения возник стремительно и неожиданно, националисты фактически во всех пятнадцати спонтанных суверенах не смогли создать стройную, основывающуюся на национальных традициях (которые почти повсеместно отсутствовали) идеологию и, за неимением разделяемых массами идей, националисты четырнадцати окружающих Россию стран стали строить свои идейные постулаты на антирусских настроениях — от относительно мягких упреков в Белоруссии до иррациональной ненависти звиадистов в Грузии. Это было не просто и не только вследствие незрелости националистического порыва, но и вследствие того, что *именно Москва* принудила четырнадцать новорожденных наций самоопределяться.

Проще всего было по-новому назвать прежние республиканские коммунистические партии и строить новый мир на уже испытанных организационных основаниях, замещая лишь прежнюю идеологию заимствованиями у своих националистических идеологов. Не везде это было возможно. Там, где национализм был теснейшим образом связан с автохтонными религиозными убеждениями, пролилась кровь. Особенно печален опыт удивительно мирного прежде Таджикистана — 75 тыс. убитых в гражданской войне 1990-х гг. Но в Украине, в Белоруссии и ряде других новых субъектов мировой политики переименованная организация сработала, правда, не неся желанной стабильности. Союз националистов и экс-коммунистов не мог быть прочным по простой причине: националист Черновил не мог полюбить того,

кто обеспечил ему двадцать три года заключения — экс-коммуниста Кравчука.

Истории не повернуть вспять, но зададимся простым вопросом, стали ли пятнадцать фрагментов бывшего СССР жить лучше и полнокровнее, чем это было в советской сверхдержаве? Тут нужно сразу оговориться, что речь не идет о малой толике автохтонного населения, *пробившегося в новую власть*. Им, разумеется, не могут не нравиться их резиденции и кортежи. Мы говорим о народах, некогда живших вместе, а теперь испытавших существование порознь.

После стремительной приватизации общественной собственности машина перемен потеряла макроориентиры и встретила проблемы, которые можно было предвидеть у государства, не решившего коренных вопросов стабильного государственного устройства, вертикали государственного подчинения, характера собственности на землю, управления сектором государственного капитализма, принципов налогообложения. За бортом внимания осталось главное — сохранение созданной предшествующими поколениями промышленности, нахождение путей технологического подъема, сохранение и развитие фундаментальной науки, политика в СНГ. Все затмила конъюнктура: бюджет, инфляция, конвертация рубля — кризисное реагирование, а не проведение подлинных реформ, до которых не дошли руки до такой степени, что само понятие «реформа» оказалось девальвированным. Реформами стали именовать банальные перемены курса, заурядные чиновничьи повороты, что и дискредитировало само понятие, связанное в сознании граждан бывшего СССР с падением производства, крахом науки, хаосом в обществе.

Первое и главное: во всех новорожденных государствах произошло заметное всем цивилизационное падение. Нужны внешние признаки? Очевиден обвал культуры — *не стало* более национальных киностудий, немногочисленные театры жили за счет морально рискованной продукции, издательства *в пятнадцать раз* сократили выпуск книг, писательские и прочие творческие союзы развалились. Не теплился творческий огонь даже у наиболее национально ориентированных авторов, которых собственный национальный дом, казалось, должен был стимулировать к творческому порыву. Писатели либо проклинали новорожденный НЭП, либо отправились в дальние веси. Чингиз Айтматов посольствовал, а Василий Аксенов предпочитал вашингтонский пригород. Наука (частично) уплыла за океан, частично опустилась. Миллионная Академия Наук — прежняя национальная гордость — потеряла престиж. Стоило посмотреть, что читал ваш сосед в метро или в поезде, и всем становилось ясно, что произошло. Хотя было издано много новых книг, прежде не издававшихся в СССР, самая читающая страна в мире на уровне масс стала интеллектуальной юдолью. Хорошее об-

разование за хорошие деньги стало можно получить лишь в дальних странах. Наш профессор и учитель жили рядом с чертой бедности.

Второе. Повсеместное экономическое падение (см. данные любой — отечественной или иностранной статистики) превратило жизнь трехсот миллионов в выживание. Несколько легче было положение в Прибалтике и двух российских столицах, но и здесь невиданные прежде клошары портили картину даже гениям «потемкинских деревень». Рухнула индустрия, и чем развитее был регион (Прибалтика, Южная Украина, Урал), тем сильнее стало это падение. Не дымили трубы Поволжья, не плыли пароходы (разве что с западными туристами). Нетерпеливцы в странах СНГ погубили половину индустрии и значительную часть сельского хозяйства, никак не способных противостоять мировым рекордсменам. Некогда основа первоначальной российской модернизации — текстильная промышленность — лежала в руинах. Да, она исчезла в других индустриальных странах, но только тогда, когда центр силы национальной экономики прочно переместился в другие конкурентоспособные отрасли. Может быть где-то «овцы и ели людей» на первоначальной стадии развития капитализма, но все же не так, как в Иваново или Комсомольске-на-Амуре 1990-х гг. С джунглями трудно мириться, когда к этому вынуждают сложившиеся обстоятельства, но сознательно их создавать может только безответственность.

Замысел свелся к тому, чтобы оставить национальных производителей на произвол судьбы. Время и порох были потрачены на манипуляции с валютой — убийство прежних сбережений, поиски соотношения рубля с долларом, битвы с инфляцией, искусственного поддержания национальной валюты за счет разбазаривания национальных резервов. Некоторым банкам это помогло, национальной экономике — нет. Пресловутый монетаризм в российских условиях оказался абстрактным занятием. Хвост не вращает собакой. Экономика не может управляться валютными интервенциями.

Третье. Продолжительность жизни резко сократилась. Болеть стало не по карману 90 % населения. Уровень самоубийств превысил мыслимые пределы. Страна — победительница всех Олимпиад — наблюдала победы чужих спортсменов. Потерявшие работу и попавшие в состояние анархии 20–30 % российского населения вовсе не принялись за поиски в стиле Билла Гейтса, не выросли и свои Эдисоны и Форды. Напротив: бывшие инженеры стали возделывателями огородов и путешественниками-челноками в Стамбул, Пекин, Варшаву. Деградировавшая в своей профессии армия коробейников насытила пустой отечественный рынок и умерла от перенасыщения. Российское пространство стало ареной коллективного выживания, не конкуренции, а элементарного хаоса.

Четвертое. Граждане России ожидали свободного перемещения по миру. Но оказалось невозможным получить заграничную визу без офици-

ального приглашения. Даже прежде безвизово доступные Польша и Венгрия и другие страны Восточной Европы ошетинились визовыми заборами. Изолированная страна якобы получила свободу.

Возможен ли прогресс в суверенных условиях?

Прогресс и становление пятнадцати новых государств возможны при реализации двух условий: 1) правящая элита имеет план развития своей новой страны; 2) население готово пойти на жертвы, ожидая от реализации новых социально-экономических идей улучшения жизни и приобщения к мировому сообществу. Пока реализация прогресса на суверенном пути идет с большим трудом, сказываются противоречия в элитных кругах и усталость обнищавшего (и во многом деморализованного) населения. Даже там, где, казалось, дело пойдет быстрее — в государствах Балтии — элита была занята вовсе не конструктивными задачами государственного строительства, а более заземленными или отдаленными: дележом земли и жилого фонда, упованиями на решение всех проблем при вступлении в Европейский Союз и НАТО. Остальным странам, лишившимся рынка соседей и кооперации друг с другом, было не на кого уповать. С неизменной долей интереса смотрели одиннадцать наших соседей на возможности прогресса России, предполагая, что он оживит еле теплящийся СНГ и послужит локомотивом задержавшегося в мировом тупике поезда.

Сказанное привело к распространившемуся в США утверждению, что Россия не поддается реформированию. Это значило подмену критики неудавшихся реформ, кстати, безоговорочно поддержанных элитой США, критикой самих возможностей их осуществления. Петр Великий более трехсот лет назад начал процесс, в результате которого никто не сомневается в русском гении, в способности России достичь вершин во многих человеческих проявлениях. За три века развития Россия стала единственным государством, которое никогда не была колонизовано Западом. Она успешно начала совмещать вестернизацию с модернизацией, она создала адекватную своим историческим нуждам военную систему, позволившую ей впоследствии преодолеть Карла XII, Наполеона и Гитлера. Более двухсот лет назад родился Пушкин, после которого умственная жизнь России лишилась вторичности и провинциальности. Сто лет назад начался рекордный экономический подъем России из патриархального состояния на высший технический уровень. В столь актуальной сегодня сфере финансов Россия всегда блистала первоклассными талантами: Е.Ф. Канкрин, Н.Х. Бунге, М. Ройтерн, И.А. Вышеградский, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов. Благодаря им была смягчена боль

ударов крымского и дальневосточного поражений, обеспечен индустриальный подъем начиная с 1892 г.

Но все успешные реформаторы России отличались тем, что в их реформах были осознаны особенности страны. Две главные: коллективизм и огромные, трудно связываемые между собой пространства. Отсюда роль государства, исключительно важная во всех развитых странах, но критически необходимая в случае российского варианта реформ. Страна, никогда в своей истории не знавшая самоуправления, нуждалась в консолидирующей силе. Народы в своем развитии действуют так, как направляют их история и география, как диктует обобщенный итог их общественного развития, их выработанная веками общественная этика. Восточноевропейский набор традиций, обычаев, эмоционального опыта близок западному в той мере, в какой история заставила эти два региона взаимодействовать. Он отдален от Запада в той мере, в какой история Запада была принципиально иной, отличной от истории Восточной Европы. Пренебрежение этим отличием, обращение со своим народом как с некоей абстракцией создало предпосылки неудачи.

Запад, не желая открывать глаза на подлинные российские проблемы, обещал лояльность только в обмен на продолжение движения, начатого в 1991 г. в направлении, которое объективно привело к отказу от наследия индустриализации в пользу животворного хаоса, раскрепощения экономического индивида. Любопытно, какого мнения был бы о нас Запад, если бы Россия предложила ему перемены, в результате которых он терял бы половину валового национального продукта, десятилетие в средней продолжительности жизни, две трети жизненного уровня, а приобретал бы многомиллионную безработицу, анархическую деградацию общества, противопоставил квалификации миллионов специалистов их спуск на социальное дно? Так ли хороша дорога, ухабы и пропасти которой начинают вызывать ненависть даже у взращенного в любви к западной культуре народа, ненависть в отношении хладнокровных педантов, ставящих правила удобной для себя игры важнее гуманитарной катастрофы целого народа. Если, налегая на сугубо метафоричное понятие «реформы», Запад вольно или невольно требовал от нашей страны платы, граничащей с деградацией общества и гибелью экономики, то итогом для нас мог быть тупик непонимания западных целей.

Где место России в открывшемся цивилизационном многообразии мира? Российская интеллигенция безусловно тяготеет к определенному ответу: на Западе, в Европе, нашем общем доме, откуда в Россию пришли культура, религия, письменность, наука, важнейшие идеи. Этой дорогой страна идет, начиная с Петра Первого. Главным смыслом происшедшего в 1991 г., как и последующих попыток реформ в России, было нежелание народа жить в изоляции, признание привлекательности западных ценностей, отношение к Западу как носителю «секретов» производства, ведущих к благополучию,

близких идеалов и многих завидных качеств. Но опыт 1990-х никак не однозначен. Могла ли Россия избежать участи оказаться во «второсортной Европе», избежать опасности ощутить себя чуждой латино-германской основе Запада, опасности быть вытесненной политически и культурно к вечной мерзлоте северо-востока Евразии?

Восприятие посткоммунистической России в США

Главный американский вывод после 1990-х таков: то, что было вторым центром политической вселенной, стало глобальной периферией, несмотря на спрятанные в лесах ракеты и атомные подводные лодки холодных северных морей, а народ, победившей во Второй мировой войне, потерял свою пассионарность. Могла ли всерьез Америка относиться к России, если ее валовой продукт опускался до 350 млрд. долл. (3-я часть государственной помощи американской медицине), суммы, меньшей, чем американский военный бюджет?

Специалисты в США пришли к пессимистическим выводам относительно постсоветского пространства. *Первый* из этих выводов — в социально-психологическом смысле Советский Союз никуда не делся, он существует по сию пору. И не следует переоценивать значимость пятнадцати столиц, правительств, парламентов. Американские специалисты подчеркивали тот факт, что рухнувшая в одночасье политическая система оставила 70 млн. человек, живущих за пределами своих республик. Социальные ценности не погибают в течение нескольких месяцев или лет. Исторические особенности не затушевываются за несколько сезонов. Все прежнее осталось в пятнадцати новорожденных государствах, и, как «невидимая рука» истории, подводило общий знаменатель под пятнадцатью суверенными государствами.

Теперь американские специалисты трезвее смотрят на крушение Советского Союза. Да, это не был либеральный режим, и у этого режима был длинный список действий, которые можно осудить. Но впервые американские специалисты с определенностью говорят, что «постсоветское пространство для большинства обычных людей представляло собой один шаг вперед и два шага назад... Экономическая взаимозависимость СССР была очень эффективной, и разрушение этой взаимозависимости означало фактическое уничтожение жизненно важных связей между поставщиками и потребителями, оказавшимися расположенными в иностранных государствах. И там, где Советский Союз распался, он был заменен... Советским Союзом, только с большим числом границ, таможенных постов, собирателей налогов, государственных инспекторов, то есть теми, кто за эти десять лет протянул вперед свои грязные руки. Эстония является отдельным ярким пятном (при-

ближающимся по уровню к Словении — яркой звезде Восточной Европы). Но повсюду вокруг в бывшем Советском Союзе мы видим ужасающие контролирующие системы государств-паразитов, государств-пигмеев, государств, занимающихся рэкетом, во главе которых стоят организованные банды. Мы видим лагеря огромных масс беженцев, разгул теневой экономики. Приглашаем вас в “мусорстан”» (Kotkin 2002: 31).

Американские специалисты просят, чтобы их верно поняли. Трущобы и развалины можно увидеть повсюду в мире, но не везде причиной образования этих трущоб называют «реформы». Не везде ужасающие жизненные условия соседствуют с полным отсутствием реальных либеральных реформ. Для России 1990-х гг. характерной «причиной этого жалкого положения является восприятие как идола национального самоопределения, которое продолжает крушить благополучие по всему свету» (Ibid.: 32). Самым поразительным для западного наблюдателя является то, что в период интеграционных образований типа Европейского Союза, где преодолеваются государственные барьеры для увеличения благосостояния, новые постсоветские государства возводят их с неумолимой силой.

Спустя десять лет после 1990-х многое стало яснее. Преобладающим в анализе американских постсоветологов является положение о том, что сила, которой придавалось колоссальное значение, а именно национализм, была в момент развала страны самой малозначащей величиной. Резонно задается вопрос: если глубоко сидящий в сознании своих носителей национализм был той силой, которая сокрушила могущественный Советский Союз (как утверждали многие теоретики), тогда чем объяснить, что после 1991 г. национализм в пятнадцати новых государствах явился столь слабым? Часть ответа заключается в том, что новообразованные государства тоже многонациональны; важно отметить также, что коммунистическая партия, скреплявшая единый СССР, оказалась дезинтегрированной, а республиканские компартии стали превосходным инструментом самосохранения местной элиты.

В какую бы из пятнадцати стран ни поехал бы американский исследователь, он встречает, прежде всего, признаки советскости.

Россия

Россия уже никак не могла строить свою внешнюю политику на шатком основании полузабытого Содружества Независимых Государств, и когда российская элита рассуждала о некоей реконкисте, о некоем восстановлении имперских основ, она уже сама все меньше верила в это.

Американские специалисты полагали, что следует поощрять Россию и Украину в их стремлении интегрироваться в структуры Европейского Сою-

за, в который их все равно не примут. Не существует никаких признаков, утверждают американцы, что оба славянских государства способны на радикальные структурные реформы. Пусть цель манит Москву и Киев, а пока она их манит, американские компании займутся нефтью и другими природными богатствами. Американские эксперты по России приветствовали ее желание войти во Всемирную торговую организацию. Это вхождение может дать позитивные результаты, но не исключено, что оно разорит имеющиеся в стране острова индустриализации. Американцы могли словесно призывать Россию к примирению с Японией, но втайне они испытывали удовлетворение от того, что два тихоокеанских гиганта создали между собой непреодолимое пространство. Что подлинно интересовало Америку в России — все, что касается Каспийского моря. Здесь лежит единственный путь спасения, если кто-то вроде Усамы бен Ладена захватит власть в Эр-Риаде. Кроме того, проблема энергетических поставок представлялась США имеющей большое будущее.

Самым большим рычагом Америки в отношениях с Россией могло стать предоставление ей части своего самого богатого в мире рынка (как это было сделано в отношении коммунистического Китая). Только эта долгосрочная стратегия могла бы обеспечить перемены, которые благотворны как для России, так и для США. Проблема расширения НАТО, видимо, потеряет свое значение в будущем, а подлинной важной проблемой отношений между Вашингтоном и Москвой становится проблема распространения оружия массового уничтожения. В этих пунктах затронуты самые чувствительные жизненные интересы обеих стран.

Итак, подведем баланс: во-первых, по мнению американцев, ни одна страна в мире, кроме России, не может заменить Саудовскую Аравию в процессе обеспечения энергией; во-вторых, американцы считают, что ни одна страна, кроме России, не имеет потенциала вооружить страны-изгои средствами массового поражения, то есть стать разрушителем статус кво одновременно как в Европе, так и в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Россия осуществила больше структурных реформ, чем ее соседи. Но ее стабильность долго нарушала чеченская война и продолжает нарушать зло коррупции. В свете этого американские эксперты приходят к выводу, что, несмотря на общие трудности, России удалось все же получить больше, чем другим странам бывшего СССР, от крушения Советского Союза — вывод, разделяемый далеко не всеми в Москве.

Пожалуй, самым влиятельным анализом ситуации в России явилось исследование йельского профессора Доминика Ливина (Lieven 2001). Он исходил из той не всеми разделяемой, но безусловной для него аксиомы, что самая большая опасность заключается в полном крахе России. Ливин твердо и определенно утверждал, что Советский Союз не был империей. Создан-

ный в 1922 г. СССР был своего рода «империей наций», что означает, прежде всего, возможность для многих наций получить свои государства, названные республиками. По его мнению, ни одна империя не могла бы быть трансформирована в столь стабильную федерацию. Он не отрицает, что составлявшее элиты меньшинство часто использовало власть для себя, и в этом плане номенклатура ничем не отличалась от правящих классов других империй. И все же эта империя не сводилась к функции обслуживания метрополии.

Американцы подчеркивают, что большие массы населения разных возрастов и убеждений от Киргизии до Белоруссии, признавая абсурдность многих феноменов советской жизни, все же видят в ней много светлого по сравнению с «фальшивыми обещаниями и отвратительной реальностью их собственных наций-государств» (Kotkin 2002: 46). В их прежней истории не было этнических чисток, было гораздо больше домов отдыха, чем зон военного отчуждения.

Все это, по мнению американцев, играет на руку России, которая достаточно смело может полагаться на центростремительную тенденцию. Одной только волею многовековой инерции Россия становится фокусирующим центром экономической интеграции и даже транснационального демократического сообщества в Евразии. Населению постсоветских республик трудно забыть широкое распространение качественного высшего образования — сколько бы новых колледжей ни создавали здесь новые профитиры. Непросто было элитам новых государств смириться с тем, что их лучшие умы предпочитают эмиграцию.

Центральная Азия

Во все пять центральноазиатских республик независимость пришла как природный катаклизм. Элиты этих стран не мечтали об увеличении своей региональной власти, и будь на то их воля, до сих пор продолжали бы быть «клиентами» Москвы. Если бы это зависело от них, они бы спасли Советский Союз. Но, вытолкнутые из Союза, они нашли новый модус вивенди. Их элиты, по мнению американцев, использовали советские методы закрепления своей власти — плебисцитарную диктатуру и руководимую государством систему ограбления населения. Пожалуй, ни один из американских специалистов не сказал об экономической системе этих стран ни одного хорошего слова. Даже если некоторые впечатлительные наблюдатели и видели некоторые признаки «демократизации» и рыночной «реформы», в реальной жизни только небольшая сельскохозяйственная Киргизия произвела некоторую либерализацию своего рынка и политической системы, чтобы уже на следующий день убедиться в опасности уменьшения государственных пол-

номочий, чтобы понять, что встречи с вооруженными исламистами грозят крушением режима без малейших надежд на выживание прежней солидаризированной элиты. И Киргизии ничего не оставалось, как пойти вровень со своими четырьмя центральноазиатскими соседями, среди которых в Туркмении была диктатура. США и ныне отмечают, что говорить о политической стабильности в этом регионе невозможно.

Сразу же после получения центральноазиатскими республиками независимости в этот регион направились турки и иранцы, надеясь на живое наследие прежней общей культуры. Они считали, что освободившиеся от российского ярма народы, жившие некогда в независимых государствах, пойдут на быстрое сближение. Ничего подобного не случилось. Как пишет американская исследовательница М. Олкотт, «пятьдесят лет правления русских царей и последовавшие семьдесят лет советского доминирования решающим образом изолировали Центральную Азию от Турции и Ирана» (Olcott 1996: 12). Несколько лет активной турецкой политики ничего особенного не дали. Анкара и Тегеран обвиняют местный коррумпированный бизнес в этих странах.

С почти неумолимой неизбежностью Россия к концу десятилетия независимости частично вернулась в Центральную Азию. Олкотт называет Россию «единственным надежным союзником» местных секулярных режимов. При всем их повороте к традициям и исламу полтора столетия общей судьбы не прошли даром. Встречаясь, лидеры местных республик говорят по-русски, а русские офицеры занимали важные позиции в национальных армиях. Множество коммуникаций (скажем, телефон) остались с советских времен. Что более существенно: пока местные энергетические ресурсы не могут быть использованы без больших частных российских компаний. Москве помогает и геополитический расклад сил в этом регионе. По мнению американских специалистов, в Центральной Азии обозначилась явственная экспансионистская угроза. Она исходит со стороны Узбекистана, страны с преобладающим 25-миллионным населением, имеющей анклав узбекского населения в Таджикистане, Киргизии и Туркмении. До тех пор, пока Узбекистаном правит постсоветское поколение политиков и глав силовых ведомств, соседи будут опасаться узбекского доминирования. По американским оценкам, прибытие относительно небольшого контингента американских войск было воспринято ташкентским режимом как уникальная возможность модернизировать свои вооруженные силы за чужой счет.

Наблюдая одним глазом за Узбекистаном, Киргизия, Таджикистан и большой Казахстан постарались улучшить свои отношения с Россией, которая, по оценке американских экспертов, стремится воспользоваться местными природными ресурсами, не беря на себя ответственность за местное управление и социальную напряженность.

Американцы сомневаются, что Соединенные Штаты при всей их мощи могут успешно заменить здесь российское влияние, учитывая цивилизационные, экономические и военные связи между Москвой и столицами среднеазиатских республик. Они приходят к выводу, что Россия останется в регионе и конкурировать с ней даже такой могучей стране, как Америка, будет трудно.

Закавказье

В чем причина чеченской войны, которая сотрясала Северный Кавказ? Лучше многих на этот вопрос ответил, по мнению ряда американских специалистов, первый чеченский президент Джахар Дудаев: «Я нуждаюсь в войне больше, чем Россия... Что мне делать, если русские уйдут? Под моим началом 300 000 человек в возрасте от 17 до 50 лет — бездомных, безработных, озлобленных, и которым нечего делать. Единственное, что они могут — это сражаться. Я нуждаюсь в небольшой войне, чтобы послать этих людей на фронт» (Kotkin 2002: 34). Три года мирного существования независимой Чеченской республики добавили много несчастий жителям этой горной страны, равно как и сторонникам международной помощи им. Все это время арабские наемники оплачивали партию войны. Политический гангстеризм и экстремизм дошел до такой степени, что летом 1999 г. новый чеченский президент вынужден был поступить согласно вышешприведенному совету Дудаева. Западный журналист спрашивал повстанцев: «В течение двух столетий вы умираете и умираете. Не настало ли время начать жить?» (Kamru 2000: 421). Так совершается поворот в оценке виновности России в чеченской войне. Американские специалисты начали подчеркивать, что многочисленные малые народы Кавказа не могут общаться между собой никаким другим способом, кроме как по-русски. Поразительный для многих американских специалистов факт: почти все они испытывают ностальгию в отношении Советского Союза. Специалист по Кавказу Й. Карни не может скрыть своего удивления, что кто-то призывал к независимости Балкарской республики, не учитывая колоссальную смесь всевозможных национальностей. Хотят ли этого сами балкарцы? Хотят ли этого простые жители Балкарии? Ведь они не показали своей способности к управлению. Один из дагестанских знакомых Карни лак Гусейн Абуев учился в московском и петербургском университетах, и он с печалью смотрел на современную молодежь из своих родных аулов, которых посылают получать образование в пакистанские медресе.

Большой новый поворот отмечается в освещении американцами событий в Грузии, всегдашнем фаворите американской политики. Некогда цвету-

шая советская республика объединяет на своей территории более десятка национальностей. В начале XXI в. американские специалисты по региону приходят к печальному выводу: Грузия — государство-банкрот. Она спровоцировала вооруженные конфликты в Южной Осетии и в Абхазии и не сумела победить в них. Старинный Тбилиси переполнен беженцами, и военные нападения совершаются среди бела дня, не говоря уже о ночах, которые здесь были темны из-за отсутствия электричества на протяжении многих лет. Не меньшую катастрофу внезапно прозревшие американцы видят в Армении. Победа в Нагорном Карабахе привела к тому, что не Армения аннексировала Карабах, а Карабах аннексировал Армению — в форме полной милитаризации внутренней политики. Убийства происходили прямо в стенах парламента, а экономика страны рухнула в небытие. Восемьсот тысяч армян из менее, чем четырех миллионов общего населения, проголосовали своими ногами, выехав либо в Россию, либо в Соединенные Штаты. В соседнем потенциальном Кувейте — Азербайджане ютились более миллиона перемещенных войной лиц, ставших бездомными.

Молдавия

Судьба Молдовы в точности повторила бы судьбу центральноазиатских республик, но Молдова находится в Европе. Тем больше доказательства страшной беды, обрушившейся вместе с неожиданной независимостью. Пауперизация и криминализация этой республики достигла верхних пределов: страна распалась на три части, а жизненный уровень еще на большее число частей. Каждый, пересекающий Днестр, платил таможенный сбор в пользу республики Транснистрии — Приднестровской республики. После десятилетия независимого существования валовой национальный продукт на душу населения составил одну треть от уровня 1989 г., вырубались леса, потому что зимой не хватает топлива. Не менее 750 тыс. человек (одна треть работоспособного населения) разбрелась по всей Европе — от Португалии до Волги. Многие молдаване рассказывали американским наблюдателям о том времени, когда республика снабжала Советский Союз сельскохозяйственными продуктами и вином. Стивен Коткин называет Молдову самой типичной страной «мусоростана». Особенно убедительно и детально описывает ситуацию в этой стране Ч. Кинг из Гуверовского Института (King 2001). После получения независимости эта маленькая страна стала главным поставщиком молодых девушек в Европейский Союз (Kotkin 2002: 38). Анализ Кинга тем более интересен, что он говорит и читает на всех основных языках проживающих в Молдавии национальностей. По его мнению, те самые интеллектуалы, которые в 1960 — 70-х гг. яростно отстаивали свое отличие от Румынии,

внезапно стали идеологами Большой Румынии. Получив независимость, а с нею и власть, они утвердили в качестве государственного языка только один — румынский, на котором говорит 60 % населения. И хотя эти горячие головы, в конечном счете, потеряли свой престиж даже среди молдаван, многие тысячи студентов по сию пору выходят на главную площадь Кишинева с их лозунгами. Такая настойчивость сторонников Панрумынии гальванизировала 150 тыс. гагаузов, которые немедленно создали автономную республику Гагаузию, бедность в которой потрясает даже на фоне общего неблагополучия региона. Чтобы избежать нищеты в Транснистрии, живущие здесь молдаване поддержали русских и украинцев. Все вместе они обратились к 14-й бывшей советской армии, что не позволило кишиневским молдаванам кровью вернуть заднеэстровские земли. На самом деле здесь битва шла за сохранение тех островков индустрии советского периода, которые должны были исчезнуть с лица земли в случае победы молдавского большинства. И здесь та же история: тысячи убитых и 130 тыс. перемещенных лиц. Над Тирасполем развивается флаг независимой Приднестровской республики, а Молдавия лишилась своей промышленности. Как мрачно заключает Кинг, в своем фундаментальном основании новейшая история Молдавии — это битва между малыми политическими элитами — пропанрумынскими и приднестровскими, и народами, которые они претендуют представлять. Нужно ли говорить, что во всех трех молдавских случаях мы имеем дело с нелиберальными режимами, и хотя на поверхности суть проблемы — выяснение этнических отношений, на самом деле речь идет о царстве криминала и политической беспринципности.

А ведь казалось, что Молдавия могла быть классическим примером образования небольшой новой нации. Искусственность проекта привела к тому, что обязательное всеобщее образование и прочие атрибуты строительства нации оказались самыми большими жертвами. Американцы ныне отмечают, что молдаване довольно решительно утверждают, что они не румыны, также ими отмечается, что практически все молдаване говорят порусски, и в этом отношении, а также психологически ввиду огромного числа смешанных браков, местное население никак не напоминает румынское. Упомянутый Кинг утверждает, что полмиллиона русских и полмиллиона украинцев, живущих здесь, не идентифицируют себя с русским или украинским государством. Но они категорически отказываются видеть различия между украинцами и русскими в Молдавии. Сами себя они называют осколком советской нации — понятие, которое казалось исчезнувшим. Это приводит американских специалистов к выводу, что практически все созданные в 1990-е гг. государства в поразительной степени являются советскими. Особенно это относится к так называемым национальным меньшинствам во внезапно созданных независимых странах (Kotkin 2002: 41). «Молдова, не

говоря уже о Приднестровской республике, как представляется, не служит ничьим интересам за исключением официального рэкета и благоденствующих официальных чиновников. Молдова приобрела большое число политических партий, систему выборов и парламент. Но вся эта система покрыта сверху козырным тузом советской административной системы, прочно укоренившейся здесь. Общество — дезорганизованное, бедное, не имеющее независимой судебной системы, является подчиненным элементом. Не зря некоммунисты, которые снова завоевали на всеобщих выборах пост молдавского президента, сделали это простым способом: они пообещали “оживить” социализм и “укрепить” связи с Россией, которой Молдова должна 700 млн. долл. за природный газ» (King 2001: 173), — пишет исследователь.

Украина

Лучшим исследованием проблемы признана коллективная работа «Украина: поиск национальной идентичности», вышедшая в 2001 г. (Ukraine... 2001). Больше всего авторов этого коллективного труда беспокоит понятие украинской национальной идентичности. Высшим теоретическим достижением в определении национальной идентичности является следующее положение: «Достижение независимости Украиной было актом скорее консервативным, чем революционным... Это была попытка сохранить существующий порядок». В другом месте коллективной монографии Украина характеризуется как «посткоммунистический гибрид», который сохранил все советское, кроме идеологии. Один из авторов этой работы, говоря об украинской демократии, рынке и политической системе к каждому понятию добавляет «якобы». Авторы приходят к прискорбному выводу: чем ниже уровень рыночных ценностей, тем богаче бюрократия. Примечателен вывод авторов: такая система может существовать бесконечно.

Американцы признают, что у украинского парламента было гораздо больше политической власти, чем у Государственной Думы России, но «Кучма и компания умудрились переплюнуть своих соратников из Молдовы, создав (без единого танкового выстрела) свою собственную Транснистрию внутри исполнительной ветви украинского государства, в которую входят спецчасти министерства внутренних дел, центральный налоговый директорат, комиссия по национальным выборам, несколько политических консультантов (часть из которых нанята в России), организация-наследник КГБ, администрация генерального прокурора и имитирующая ЦК президентская администрация. Такой механизм превосходит самые дикие мечты любой мафии. Он поглощает огромные суммы денег, которые отмываются за рубежом,

манипулирует голосами избирателей, насильственно экспроприрует предприятия, уничтожает едва поднимающие голову независимые средства массовой информации, методически шантажирует критиков и соперников, покрывает уголовные действия...» (Kotkin 2002: 43). Джордж Сорос пришел к выводу, что именно Украина в постсоветском пространстве сделала слово «коррупция» столь часто повторяемым.

Американские специалисты верят в то, что государственная система Украины была создана и консолидирована внутри Советского Союза и «сегодня Украина существует в своей экспансивной форме только благодаря тому, что Сталин односторонними действиями аннексировал Восточную Польшу» (Ibid.). Националистические элементы на Украине отказываются праздновать очередные годовщины российско-украинского союза, но подарок, который им сделали по поводу 300-летней годовщины этого союза (республика Крым), они, — как говорят американцы, — возвращать не собираются.

Впервые американские исследователи пишут об Украине как о стране, в которой граждане не говорят на государственном языке. Но что примечательно — многие миллионы русских, живущие на Украине, идентифицируют себя не с российской Федерацией, а с советской системой. «Титульная нация на Украине русифицирована до такой степени, что более половины этнических украинцев говорят дома по-русски» (Ukraine... 2001). Большинство этнических украинцев, говорят они по-украински или нет, никак не отличимы от русских. Многие этнические русские зарегистрировали себя как украинцы, не зная украинского языка. Другие этнические русские занесли себя в категорию русскоговорящих, так же, как и представители других советских национальностей, живущих на Украине — молдаване, армяне или татары или дети смешанных браков. Украинская электоральная политика скорее региональная, чем этническая. Некоторые специалисты утверждают, что «украинская региональная диверсификация в конечном счете является источником силы». Это, как отмечают американцы, «свежая мысль». Но что это означает в реальности? Стратегия демонстративной независимости, внешняя политика, основанная на «выборе Европы», практически лишена смысла, за исключением того, что служит самовнушению относительно того, что Украина «абсолютно необходима в качестве противовеса России». Американцы отмечают, что в Европе в это никто не верит, и все устали слышать этот ответ на всевозможные вопросы о том, почему не происходит структурной реформы. Западная Украина, некогда многонациональная, космополитическая провинция Габсбургов, а затем Польши, ныне является зоной «шовинистического настроения», изолированной как от Киева, так и от своих западных соседей (Kotkin 2002).

Американский исследователь Пол Гол пришел к выводу, что многие украинские предприятия и отрасли индустрии могут функционировать толь-

ко в случае получения сырья из Российской Федерации. Все признают этот достойный сожаления факт. Внутри Украины же требование России заплатить за газ и нефть миллиарды долларов националисты характеризуют как шантаж, направленный против украинской независимости. Но примечательно то, подчеркивают американцы, что большинство украинцев «выступают против своей независимости».

Американские исследователи приходят к выводу, что две полосы бывших советских республик, первая из которых располагается от Балтийского моря до Черного — Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Молдова, Украина — и восемь других республик, расположенных по обеим сторонам Каспийского моря — Армения, Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — характеризуются, прежде всего, тем, что несут на себе следы советского наследия. При этом американцы полагают, что за исключением Эстонии, Азербайджана и Узбекистана, они являются в значительной мере зависимыми от России как в отношении источников энергии, так и в сфере безопасности. Это и реальность наших дней, и не учитывать ее означает отойти от реалистической оценки происходящего на постсоветском пространстве. На юге даже те государства, которые не имеют общей границы с Россией, так и не вышли из сферы влияния Москвы. На Западе пять из шести новых государств, граничащих непосредственно с Россией, и одно, не имеющее границы (Молдова), также подвержены российскому влиянию. При этом Россия и Украина достигли относительно стабильных политических и экономических отношений. Украина и Россия сумели избежать той трагедии, которая настигла Югославию, вопреки факту семимиллионной общины украинцев в России и одиннадцати миллионов русских на Украине. Американские исследователи приходят к выводу: «Образование наций-государств оказалось эффективным инструментом консолидации антилиберального, основанного на исполнительной власти строя, опирающегося на теневую экономику. Но самым популярным объяснением этих несчастий во всех странах, достигших независимости и в самой России, обычно является неолиберальный реформизм» (Kotkin 2002: 45).

Россия — США после 11 сентября

Президент и народ России оказали Америке после 11 сентября огромную поддержку. Это испытание скрепило личную дружбу президента Путина и Дж. Буша-мл. После сентября американцы стали в отношении президента Путина воистину «смертельно вежливыми». Что важно отметить, поддержка Америки оказалась популярной в Москве: 85 % москвичей выразили ту точку зрения, что «нападение на США равнозначно нападению на все челове-

чество... Русские присоединились, — писали Т. Колтон и М. Макфол, — к Америке в час ее нужды» (Colton, McFaul 2001: 45–47). Не только словесные выражения соболезнования (телефонный звонок президента Путина, первого выразившего готовность помочь), но весьма конкретные действия России осенью 2001 г. привели к определенному изменению взгляда американцев и ряда их союзников на Российскую Федерацию, ее роль в мире, на ее потенциал и возможную важность для Запада в будущем.

Прозападные силы России поддержали поворот Путина. Как велики эти силы? По оценке заместителя председателя комитета по вооруженным силам Государственной Думы — от 10 до 15 % всей российской элиты. Лидер союза правых сил Б. Немцов выразил ту точку зрения, что возник уникальный час вхождения России в Запад, шанс, упущенный в 1945 и 1989 гг. Министр иностранных дел А. Бессмертных считал, что «происходящее может быть использовано в интересах России. Альтернативой союзу с Западом является создание проблем Западу посредством поддержки Ирана, Ирака, Северной Кореи и Кубы, либо ей придется отстраниться от международных дел вовсе — чего наше географическое и геополитическое положение не позволяют» (Цит. по: Walker 2001–2002: 40).

Страны НАТО оказались на периферии американской войны с терроризмом, а Россия — в эпицентре. Только Россия могла убедить Узбекистан, Таджикистан и Киргизию предоставить американцам военные базы, снабдить основное оружие борьбы с талибами и Аль-Каидой — Северный Альянс — оружием и прочей помощью. Довольно неожиданно Москва стала более важным партнером США, чем даже самые близкие Вашингтону западноевропейские члены НАТО. Только Россия могла содействовать вооруженным силам США в получении баз на территории своих союзников в Центральной Азии, только Россия смогла вооружить Северный Альянс так, что его ударная сила оказалась неборимой, только Россия с ее афганским опытом оказалась стратегическим союзником Соединенных Штатов. Это обернулось стремительным поражением талибана в ноябре-декабре 2001 г.

Отныне Вашингтон не мог не видеть в России основной потенциальный инструмент — либо вооружения Китая и мусульманского мира (начиная с Ирана), либо ценнейшего союзника в борьбе с мировым терроризмом. На Западе стал ощутимым новый расклад предпочтений: в ноябре 2001 г., согласно опросам общественного мнения, 25 % американцев назвали Россию «союзником», а 45 % — «дружественной страной». Ситуация, в которой три четверти американцев считает Москву потенциальной союзницей, позволила лидерам Запада опробовать прежде немыслимые схемы. В конгрессе США вызрела идея фактического списания Соединенными Штатами американской части долга СССР — из 5 млрд. этого долга Америке американские законодатели предлагали 3,5 млрд. перенаправить на цели выполнения «пла-

на Нанна-Лугара» — финансирования проектов в российской ядерной технологии и технике. Знамением времени стало то, что в палате представителей США большинство высказалось за прекращение финансирования 24 спутников космического слежения, что фактически сделало бы невозможным развертывание системы Национальной противоракетной обороны и сняло бы роковой вопрос российско-американских противоречий.

Замкнуться на НАТО в эпоху подъема других материков, цивилизаций, культур, религий, геополитических центров стало для Запада непосредственно опасным. Встал вопрос о новых союзниках и даже о реформировании старого союза. На Западе начали зреть идеи весьма существенного коалиционного пересмотра, ревизии союзнических связей.

Обнаружилось радикально важное обстоятельство: в сентябре 2001 г. общая угроза проявилась как для Запада, так и для страны, «сдерживать» которую был создан западный военный блок — для России. Общность противника изменила многое в критически важном для России отношении к Западу. У Запада и России появился общий противник, и это потребовало общего для Брюсселя и Москвы планирования. Обозначились контуры нереальной прежде перспективы сближения Москвы с военным блоком Запада.

Посетив штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, президент Путин заметил, что видит в НАТО перемены, в свете которых эта организация не смотрится более старым военным альянсом, направленным против России.

Возможности коалиционной перегруппировки

Запад предпринял попытки коррекции своей союзнической стратегии. Исторически это не ново: ведь была же России важнейшим союзником Запада в двух его главных испытаниях XX в. — в двух мировых войнах.

Лидером поисков более адекватного ответа на современные угрозы выступила Великобритания — наиболее отчетливо витающие в воздухе новые идеи выразил в середине ноября 2001 г. премьер-министр Тони Блэр. Складывалось впечатление, что британская дипломатия стремилась, с одной стороны, быть наиболее лояльным союзником Вашингтона, с другой — искать новые пути приобщения к европейскому балансу сил России. «План Блэра» предполагает трансформацию взаимоотношений России и НАТО из системы 19 плюс 1 в «систему двадцати», где Россия могла бы подписать вашингтонский договор (возможно, без параграфа 5 — о том, что нападение на одного члена альянса равнозначно нападению на всех членов союза). Предполагалось, что Россия может войти в Североатлантическую организацию не как некая консультируемая величина, а как интегральная часть новой си-

стемы безопасности в Европе с глобальными функциями. Речь зашла о геополитическом сдвиге впечатляющих пропорций: Россия войдет в обновленный западный союз, приобретая новых союзников и представляя собой фактор его глобализации в стратегически важных по времени и месту обстоятельствах. В Москве заговорили о важнейшем после 1989–1991 гг. повороте во внешнеполитической ориентации России.

Вхождение в западный военный союз России могло бы иметь позитивное значение — блок НАТО потерял бы свою антироссийскую направленность. И это была бы уже новая НАТО, потенциально полезный партнер. И все же, можно ли представить себе Россию в едином военно-политическом союзе с Западом? России было бы невыгодно сближение с первой, устаревшего типа организацией; России, при определенном повороте событий, могло бы быть выгодно войти в новый — «наднатовский» альянс, хотя бы частично гарантирующий ее внутреннюю целостность и протяженные границы, хотя бы несколько страхующий опасности жизни рядом с переменчивыми и потенциально опасными соседями.

Элита США неоднозначно восприняла происшедшее. Вице-президент Р. Чейни и набравший известность параллельно с боевыми действиями министр обороны Д. Рамсфелд сумели «отодвинуть» от руля власти менее жестко настроенного государственного секретаря К. Пауэла и советницу по национальной безопасности К. Райс с тем, чтобы повернуть президента в сторону большей жесткости по отношению к миру (в том числе и к России). Разгорелась дискуссия, в значительной мере разогретая сентябрьскими событиями.

Противники сближения с Россией выдвинули свои аргументы. Как отмечает американский специалист, «решительный поворот России в сторону Запада оживляет концепцию сэра Халфорда Макиндера о Евразии и Мировом острове... Помимо прочего, в то время когда американцы так чувствительны к исламским страхам относительно “столкновения цивилизаций”, новый стратегический союз России, Северной Америки и Европы мог бы показаться угрожающим для многих. Мусульман пришлось бы убеждать в том, что христианский мир объединился не против них. Африканцы и азиаты увидели бы “союз белых”. Китай усмотрел бы блокирующую их силу. Ислам, Китай и Африка могли бы увидеть в этом союз богатых против бедных. Глобальная война с расовым оттенком могла бы быть самым трагическим последствием 11 сентября, хотя, возможно, именно на это рассчитывали сентябрьские самоубийцы» (Walker 2001–2002: 41).

Противники сближения с Россией указывают, что принятие ее в НАТО означало бы выдачу гарантии нерушимости сибирских границ России против потенциальных китайской и исламской угроз. «Послать американские войска — а также британские, французские и германские, умирать на бере-

гах Амура ради сохранности Сибири было бы поразительным вызовом Западу» (Ibid: 39). Сближаясь с Западом, говорили оппоненты, Россия продолжит мыслить в терминах Евразии, что означает для Запада выход на новые многотысячекилометровые границы по Центральной Азии с огромным исламским населением на юге и растущим китайским экономическим гигантом на востоке.

Против России в Америке «играли» три образа: страна дефолта 1998 г.; страна растущего авторитаризма; страна, где свободная пресса в агонии, а война в Чечне уродует моральный облик нации. Если при Клинтоне министерство финансов излучало в отношении Москвы своего рода симпатию, то при президенте Буше министр финансов П. О'Нил намерен развивать мировую торговлю, а не потворствовать экзотическим режимам. Важно то, что американский бизнес не нашел своей ниши в российской экономике. Многонациональные корпорации уже имели болезненный опыт ведения дел в России. Инвесторы были несколько благожелательнее, но они тоже не имели особого интереса к укреплению двусторонних отношений. Негативно сказывался на этих отношениях спад американской экономики, падение доходов, резко возросшая безработица, заставляющая американское правительство защищать свой рынок. И «простой факт жизни заключается в том, что Вашингтон не может заставить американские компании инвестировать в Россию» (Bremmer, Zaslavsky 2001–2002: 49).

Советник по национальной безопасности К. Райс была, прежде всего, заинтересована в приостановлении распространения российского влияния на страны СНГ. Ее очевидным образом интересует ослабление зависимости стран СНГ от российских энергоносителей и транспортных коридоров. В июне 2001 г. она довольно неожиданно навестила Киев, как только улучшение российско-украинских отношений стало ощутимым. В этом Райс нашла убежденного союзника в министре обороны Д. Рамсфелде. Для обоих сближение Вашингтона с Москвой не представляется приоритетным. Оба эти лидера полагали, что интересам США не соответствует «излишняя» степень сближения Америки с проходящей трудный участок пути своего развития Россией.

Своего рода сигналом «поставить Россию на место» послужила статья генерала и аналитика ЦРУ У. Одома, опубликованная в осеннем номере американского журнала «Нэшнл интерес» за 2001 г.

Другая часть американского политического спектра, теряя позиции, стремилась все же доказать, что в мире будущего игнорирование России принесет Америке только потери. Признанным сторонником укрепления отношений с Россией и двустороннего партнерства выступил государственный секретарь Колин Пауэлл. Идея союзнических отношений с Россией получила значительное развитие в академическом сообществе. Выражая противо-

положную одомовской точку зрения, профессор из Беркли М. Малиа подчеркнул, что глобальные потрясения 11 сентября «снова вернули Россию в игру и сделали ее нашим союзником». Малиа отказывался считать поворот президента Путина к Западу «очередной потемкинской деревней» (Odom's Russia... 2001–2002: 116).

Для бывшего посла США в СССР Дж. Мэтлока критерий важности России заключался в способности Москвы укреплять или ослаблять безопасность Соединенных Штатов. «По этому критерию Россия может скорее помочь, чем навредить Соединенным Штатам, а в текущие дни мы нуждаемся во всей возможной помощи» (Ibid.: 117). Мэтлок отмечает «исключительное по значимости географическое положение России, что делает ее бесценной в отражении прямых угроз американской безопасности. Размышления типа “великая” или “невеликая” бессмысленны. Америка попросту нуждается в сотрудничестве с Россией для обеспечения своих фундаментальных интересов» (Ibid.). Отталкивать Россию в посуровевшем для Америки мире просто безответственно. Одом изображает не реальную Россию, а карикатуру на нее. Россия найдет в себе силы преодолеть период слабости.

Профессор Дж. Хаф из университета Дьюка подверг суровой критике картину, которая рисует российских генералов как «не имеющих чувства национальной гордости, профессионализма и заботящихся только о личном обогащении». Картина в реальности несколько иная: США «покупают российских лидеров, чтобы те восприняли буквально все — экспансию НАТО, американское влияние в Сербии и Узбекистане, помощь в Афганистане, модификацию ПРО и прочее. Американцев не стоит упрекать за то, что они обращаются с Россией как с великой державой — это просто незначительная плата за привилегию воздействовать на национальные российские интересы» (Ibid.: 119). Не все помнят, что между провозглашением США свободной страной и избранием на пост президента Дж. Вашингтона прошло много времени — гораздо больше, чем провели в состоянии хаоса русские.

Известный английский русолог — англичанин Дж. Хоскинг (Лондонский университет) назвал позицию Одома не иначе как высокомерной. Беда России — в буквальном следовании назидательным советам МВФ. И она стала укрепляться, когда после дефолта 1998 г. перестала смотреть в рот западным партнерам. Трудно переоценить потенциал России. «Ее ресурсы обильны и они еще недостаточно мобилизованы. Россия обладает высококвалифицированной рабочей силой, ее научная и техническая база позволяет решать буквально любые задачи. Это и случится в будущем» (Ibid.: 121–122). Списывать со счетов такую державу просто недальновидно.

Профессор Колумбийского университета Р. Легвольд уверен, что Россия восстановит, по крайней мере, часть своего могущества. Сейчас Москва спасает единство российского государства, укрепляет государственный меха-

низм, увеличивает базу своей поддержки. Главное: Россия попросту нужна Америке, оказавшейся в сложном положении. Разве может мало значить союзник, в руках которого 45 % мирового ядерного оружия?

Последнее все больше привлекает к себе внимание. Значительный отклик получило мнение председателя комитета по международным делам американского сената Байдена. Сенатор видит в качестве самой большой проблемы будущего распространение оружия массового поражения, а самым большим «распространителем» — современную Россию. В этом плане для соединенных Штатов и для Запада в целом нет более важной задачи, чем установление рабочих отношений с Москвой. Именно здесь будет решаться американское будущее, и высокомерное пренебрежение в данном случае неизбежно обратится против самих американцев.

Итак, развернулась борьба. Странники воспользоваться новой дружественностью России указывают, что «возникающее партнерство между Соединенными Штатами и Россией является самым значительным геополитическим перегруппированием со времен Второй мировой войны» (Bremmer, Zaslavsky 2001-2002: 47). Но это перегруппирование встретило жесткое внутреннее противодействие и в США, и в России.

Реальность после эйфории

Эйфория сентября — ноября 2001 г. (решительное сближение с Западом) удивительно быстро ушла в прошлое. Краткосрочность операции в Афганистане сыграла против российских сторонников сближения с Западом, не сумевшим оценить помощь России. Своими действиями в декабре 2001 г. Запад во главе с США в значительной мере погасил новую прозападную тенденцию в ориентации России. Показательно в этом плане письмо Генерального секретаря НАТО Робертсона, опубликованное 28 февраля 2002 г. в британской газете «Файненшл таймс», в котором Робертсон подвергает категорическому сомнению любую возможность вступления России в НАТО. Он не говорил этого в ноябре 2001 г., когда американские и британские специальные войска отчаянно нуждались в Афганистане в поддержке с севера.

Как отмечает историк Дж. Л. Геддис, «американская политика стала излишне настойчивой, самососредоточенной, нечувствительной к интересам других» (Gaddis 2001: 13). Не забудем отметить, что окончание Россией «холодной войны» сберегло Соединенным Штатам, по западным оценкам, 1,3 трлн. долл. (Colton, McFaul 2001: 48). Американская помощь России концентрировалась в области ядерного разоружения, экономических реформ и гуманитарных проектов. Россия получила за последнее десятилетие XX в. 5,45 млрд. долл. в виде помощи. Основная ее доля — сокращение бывшего

ядерного потенциала СССР. И почти ничего не было сделано в сфере сближения двух народов. В Америке училось лишь 5,3 тыс. российских студентов (в сравнении со 100 тыс. китайцев) и лишь небольшая доля студентов из России поддерживалась американским правительством. Международные обмены между двумя странами увяли. Все дело свелось к уменьшению российского стратегического потенциала примерно на пять тысяч единиц.

Поначалу казалось, что даже в умах самых больших противников России происходят большие перемены. Как пишут сами американцы, «Буш и его команда должны теперь воздержаться от чтения лекций Путину о превосходстве политической системы Америки и, вместо этого, сконцентрировать свои усилия на том, чтобы показать преимущества интеграции с Западом... Буш должен возглавить усилия, упрощающие эту интеграцию. Хорошим стартом было бы членство России во Всемирной торговой организации. Действуя еще смелее, Буш должен был бы определить конкретные этапы вступления России в НАТО» (Ibid.: 55).

В начале декабря 2001 г. идея трансформации НАТО рассматривалась на главных форумах Североатлантического Союза. Пыл тех, кто приветствовал новое отношение к России в момент, когда стояла задача взятия Кабула и Кандагара Северным Альянсом, вооруженным русским оружием, значительно остыл. 7 декабря 2001 г. союзники по НАТО отвергли идею замены схемы 19+1 «двадцаткой» нового совета Запада и России (где у России было бы не больше прав, чем у Люксембурга, но и не меньше). Мавр сделал свое дело, он больше не нужен. Вместо выражений признательности и конкретных признаков сближения США и их союзники подтвердили дату «ноябрь 2002 г.» как время очередного расширения НАТО в восточном направлении, включая Прибалтику.

Решающая сила — администрация Буша *не поддержала* должным образом инициативу Блэра, сведя радикальные предложения о новом органе Североатлантического Союза, где Россия была бы полноправным членом, к банальным благоглупостям о необходимости расширять сотрудничество. В Москву в марте 2002 г. приехал заместитель генсека НАТО Г. Альтенберг, но его предложения отнюдь не содержали ожидавшихся изменений, чем и вызвали разочарование повернувшего было на Запад российского руководства. Россия открыто выразила свое недовольство ответными предложениями НАТО, эйфория октября-ноября 2001 г. иссякла очевидным образом.

Вашингтон провозгласил 13 декабря 2001 г. о выходе из Договора 1972 г. о запрете на создание национальной системы противоракетной обороны. Это одностороннее решение сокрушило всю систему стратегической стабильности в мире. (И это в условиях довольно основательной критики и противодействия этой инициативе со стороны как демократов, так и части республиканцев. Так, по мнению У. Перри, «ракетная оборона должна быть

одним из элементов национальной политики; безоглядное же следование ей вне контактов с программами, препятствующими распространению, способно ослабить, а не укрепить американскую безопасность» (Реггу 2001: 33).

Самое поразительное в решении администрации Дж. Буша 13 декабря 2001 г. выйти из Договора о недопустимости создания национальной системы обороны 1972 г. — его *тайминг, время, когда решение оказалось принятым*. Оно было принято не теряя ни дня после того, как фактические союзники России в Афганистане — бойцы Северного альянса — выполнили (по сути, за американцев) грязную и опасную работу. Когда еще шли бои в афганских горах. События декабря 2001 г. выглядят как стремление поставить Россию на место. Вашингтон разрушил Договор 1972 г. Вашингтон не ослабил давления на чеченском направлении, он не подумал о *моратории* на расширение НАТО.

США, воспользовавшись удобным моментом войны с терроризмом, разместили свой военный контингент и технические средства на территории крупнейшей (по населению) страны центральноазиатского региона — Узбекистана и в соседних Таджикистане и Киргизстане. Киргизия не имеет общей границы с Афганистаном, от которого ее отделяет Таджикистан. Однако американцам и французам удалось получить от таджикского правительства разрешение на использование воздушного пространства страны, а также крупной и удобной авиабазы «Манас», неподалеку от Душанбе.

Уже в конце 2001 г. ряд влиятельных политиков США озвучил следующие новые идеи: «Когда афганский конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии; мы хотим поддержать центральноазиатские страны в их стремлении реформировать экономику и общество так же, как они поддерживали нас в войне с терроризмом. Это долговременные отношения». В конце января 2002 г. помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс посетила Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и Туркмению. Ее откровения достойны цитирования: «Страны Центральной Азии просят нас более активно участвовать в их делах и нам хотелось бы усилить степень своего участия... Присутствие в Киргизии будет значительным и долговременным». Америка не оставит страны региона «наедине с их проблемами». Нет сомнения в том, что американская решимость закрепиться в данном регионе окрепла по мере подсчетов возможных объемов энергоносителей региона*.

* США — самая энергопотребляющая страна мира. При этом ее зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов, и эта зависимость продолжает возрастать. Согласно статистическому отчету «British Petroleum Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн. тонн, нефти в США не более 3 млрд. тонн., или примерно на 8,5 лет. В марте 2000 г. эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на

Ракетно-ядерный аспект

Но ситуация с главным союзником по антитеррористической коалиции может оказаться еще хуже в свете ядерного планирования администрации Буша. В пик союзнических действий эта администрация предписала своему министерству обороны разработать планы применения ядерного оружия «на случай непредвиденных обстоятельств» против семи государств, одним из которых была названа Россия. Секретный доклад Пентагона от 8 января 2002 г. попал в прессу благодаря особым связям газеты «Лос Анджелес Таймс». Он предусматривает готовность США к нанесению ядерного удара по России, Китаю, Ираку, Северной Корее, Ливии и Сирии. Для этого вооруженные силы США должны располагать «всем спектром средств сдерживания». В докладе указывается, что американское ядерное оружие должно быть применено в ситуациях трех типов: против целей, неуязвимых для атак с применением неядерного оружия; в ответ на атаку с использованием ядерного, биологического и химического оружия; «в случае внезапных военных акций».

В 56-страничном докладе говорится, что Россия не является более официальным «врагом», но указывается на опасность: Россия располагает 6 тысячами единиц оружия стратегического назначения и общим арсеналом в 10 тысяч единиц ядерного оружия. В докладе говорится, что от Москвы в настоящее время ждать угрозы не следует, но «нельзя исключить», что дружественные отношения могут ухудшиться. В докладе нет детализации того, как Россия могла бы использовать свое ядерное оружие против США, но в нем есть абсолютно недвусмысленное указание на то, что этот арсенал может стать недружественным и опасным для Америки. Многолетнюю ситуацию «взаимного гарантированного уничтожения» сменяет период, когда американская сверхдержава берет на вооружение принцип одностороннего гарантированного уничтожения. Секретный доклад Пентагона предусматривает возвращение США к прежней стратегии в области военного противостояния и к старому, более чем десятилетней давности определению России как потенциального противника.

Этот доклад был подписан министром обороны США Рамсфелдом и в настоящее время использовался Стратегическим командованием США для разработки нового плана ведения войны.

Нельзя отказать американцам в понимании того, что означает подобное отношение к своим только что названным союзникам посреди крестового

крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо, способны прийти к разумному пониманию будущего». Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью повышения спроса на импортируемую нефть и газ. Это повышает значимость источников нефти.

антитеррористического похода. Представляющий Фонд Карнеги за международный мир (Вашингтон) Дж. Циринционе сказал: «Это как динамит. Могу себе представить, что эти страны будут говорить в ООН» (The Los Angeles Times 2002). Представляющий Совет защиты природных ресурсов Р. Норрис назвал доклад «ясным предупреждением, способным спровоцировать разработку ядерного оружия, а не отвлечь от него» (The Wall Street Journal 2002).

Как пишет 11 марта 2002 г. германская газета «Ди Вельт», «Москва неожиданно оказалась в числе государств, составляющих “ось зла”... Американские планы опасны для Путина, пошедшего прозападным курсом, который не приносит никаких положительных для него результатов. Он все больше ослабляет свои позиции по отношению к русским элитам, так американцы все глубже продвигаются в постсоветском пространстве. Американские солдаты находятся в Средней Азии и на Кавказе. В ноябре 2002 г. на саммите НАТО предполагается решить вопрос о вступлении в Североатлантический Союз трех стран Балтии».

Хорошее американское *спасибо* России за весь процесс 1989–2001 гг. Не может быть двух мнений по поводу того, какой будет реакция России и Китая, получивших представление о том, как к ним относятся их совсем недавно названный союзник по глобальной коалиции. *И Россия, и Китай обратятся к процессу усовершенствования своих ядерных потенциалов.* Было ясно, что гонка вооружений, замедлившаяся в треугольнике США — Россия — Китай в течение последних пятнадцати лет, неизбежно возобновится практически вне зависимости от того, каково состояние бюджета РФ и каковы технологические сложности КНР. Решение Вашингтона выйти из Договора по ПРО так или иначе развязало руки России. Диапазон мер сохранения наших средств, гарантирующих национальное выживание, достаточно широк.

Это ответы технические, но есть ответы дипломатические.

Политическая культура президента Обамы

Приход Обамы как «свежего человека», не имеющего опыта политика, но умело организовавшего предвыборную кампанию, обращаясь к молодежи через Интернет, «заразившего» США верой в обновление политики и жизни, в выход из экономического кризиса, в подъем образования и культуры, позитивного, в том числе и культурного влияния в мире, сегодня многих уже разочаровал. Мир, который возглавил Обама, находился под влиянием американской гегемонии, неоконсервативных оправданий такого порядка вещей. Политическая культура американского общества в течение многих

лет культивировала идею господства и превосходства, а также экономической и военной превосходящей мощи США. Авторитет этой страны и многообразие ее культурных традиций, забота властей о том, чтобы сделать Америку привлекательной, распространить ее массовую культуру, приводили к американскому культурному влиянию, к распространению американских потребительских стандартов или идеалов там, где эти стандарты были недостижимы, повсюду в мире

Иракская авантюра имела сокрушительный эффект для ослабления мощи, престижа и влияния Соединенных Штатов, для свободы их действий в мире. Пренебрежение гражданскими правами, эксцессы в борьбе против терроризма, многостороннее фиаско в Ираке укрепили антиамериканизм как структурный компонент новой мировой геополитики.

Глобальный опрос 45 тыс. человек в 47 странах Центром исследований Пью в 2007 г. показал падение престижа Америки даже в традиционно проамериканских странах. Так, традиционно проамериканская Турция считает современную Америку *самой неуважаемой страной мира* (лишь 9% населения относятся положительно). Такие яростно антиамериканские фильмы, как «Иракская долина волков», имеют бешеный успех. В Европе только 23% испанцев имеют положительное мнение относительно американцев в 2006 г. (а в 2005 г. было 43% опрошенных, демонстрирующих положительное отношение). В Испании, где исламский терроризм проявил себя в полной мере, 76% опрошенных выступили против «войны с террором» в ее американском понимании. Не менее 10% европейцев и японцев осудили Абу-Грайб и Гуантанамо. Американскую войну против терроризма не осудили только Индия и Россия, сами борющиеся с исламским фундаментализмом. Антиамериканизм на подъеме. В десяти из пятнадцати опрошенных в 2006 г. стран большинство населения полагало, что мир становится все более опасным из-за американских действий. Таковым было мнение 60% англичан, чьи войска воевали в Ираке вместе с американскими. Согласно опросу Луиса Харриса, опубликованному в газете «Файнэншл Таймс» в июне 2006 г., 36% жителей Британии, Германии, Франции, Италии и Испании видят в Соединенных Штатах главную угрозу мировой стабильности, и это больше, чем в Иране (30%) и в Китае (18%).

Европейцев страшат два обстоятельства: а) постоянно стимулируемая Соединенными Штатами война Запада с мусульманским миром, расширяющаяся от палестино-израильского конфликта до раскола Ирака и противостояния с Ираном; б) комбинация высокомерия, односторонности и уязвимости, которая характеризует Америку после 11 сентября как глобальный дестабилизирующий фактор. Время, когда на США смотрели как на защитника, ушло в прошлое. Новый виток противостояния Запада и мира ислама ныне объясняется агрессивной политикой Америки.

Администрация Обамы уже дала понять, что глобальная повестка дня в ядерной области будет одним из главных приоритетов при подготовке к Конференции по пересмотру Договора о нераспространении ядерного оружия, намеченной на весну 2010 г. Ряд мер по снижению потенциальных рисков, связанных с определенными мероприятиями по размещению тактического ядерного оружия, может быть принят в одностороннем порядке или совместно с Россией.

После окончания «холодной войны» администрации Клинтона и Буша оказались неготовыми к развитию равноправных отношений с Российской Федерацией. Отказ Вашингтона считаться с интересами Москвы привел в последние годы к резкому ухудшению отношений между ними. Более тридцати лет после образования западного альянса советская угроза была мотивирующей и объединяющей силой ядерной политики Запада. Теперь, когда Советского Союза больше не существует, важно предупреждать о недопустимости формирования политики на основе «самооправдывающегося предсказания». Россия и Соединенные Штаты вместе контролируют около 90 % мирового ядерного арсенала. В их силах снизить роль ядерного оружия в двусторонних отношениях. И они делают это последние 15 лет в рамках таких инициатив, как программа «За совместное снижение опасности». Общий пересмотр стратегических отношений должен включать в себя изучение способов повышения безопасности на ядерных объектах в России и Соединенных Штатах.

Ключевым вопросом давно является противоракетная оборона, особенно в том направлении, которое касается защиты от угроз со стороны стран-распространителей. Диалог на эту тему должен быть возобновлен с той точки, в которой его прекратили в апреле 2008 г. президенты Джордж Буш и Владимир Путин. Российское предложение о создании совместной системы противоракетной обороны для отражения угроз с Ближнего Востока, предусматривающее использование радара на юге России, представляется творческим политическим и стратегическим ответом на общую проблему. Тема, изначально бывшая уделом военных экспертов, привлекла к себе пристальное внимание сторонников разоружения. Диалог между ними не всегда был таким плодотворным, каким ему следовало быть. Обама предпринимает попытку наладить диалог. Пока другие страны наращивают и совершенствуют свои ядерные арсеналы, сдерживание их применения, — считает он, — должно оставаться частью западной стратегии. Президент Обама четко дал понять, что Соединенные Штаты, *не могут достичь этого в одиночку*. Во многих аспектах Обама, кажется, пытается восстановить двусторонний консенсус, который руководил страной в годы «холодной войны» и в 1990-е гг., возвращаясь к миру до сентября 2001 г. В статье «Мир за пределами наших границ», в книге «Смелость нашей надежды» Обама высказал именно такие

идеи. Многие считают, что он смел только в риторике, но стоит перейти к конкретике, как смелость уходит. Том Хейден назвал его «постепеновцем».

Но сегодня уже видно, что Обама в своей политической культуре сдвигается вправо, ибо разоружение устраивает его только до тех пор, пока сохраняет американское превосходство в силе. Нобелевская премия мира не адекватна таким границам политической культуры США, ответственной за имиджи других стран, включая Россию. Но будущее восприятие России в сегодняшних США еще только формируется.

Литература

- Bremmer I., Zaslavsky A. Bush and Putin's Tentative Embrace // World Policy Journal. 2001-2002. Winter.
- Colton T., McFaul M. America's real Russian Allies // Foreign Affairs. 2001. November-December.
- Gaddis J.L. And Now This: Lessons from the Old Era for the New One. Oxford: The Perseus Press, 2001.
- Karny Y. Highlanders: A Journey to the Caucasus in Quest of Memory. N.Y.: Farrar, Starus and Giroux, 2000.
- King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Hoover Institution Press, 2001.
- Kotkin S. A Tour Through the Wreckage of the Soviet Empire. Trashcanistan // The New Republic. 2002. April 15.
- Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. Yale University Press, 2001.
- Odom W. Realism about Russia // National Interest. 2001. Fall.
- Odom's Russia: a forum // National interest. 2001-2002. Winter.
- Olcott M. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security. Washington: U.S. Institute of Foreign Press, 1996.
- Perry W. Preparing for the Next Attack // Foreign Affairs. 2001. Nov.-Dec. The Guardian. 2002. April 17.
- The Los Angeles Times. 2002. March 9.
- The Wall Street Journal. 2002. March 11.
- Ukraine: The Search for a National Identity / Wolchik S., Zviglyanich V. N.Y. (eds.) Rowman and Littlefield, 2001.
- Walker M. Post 9/11: The European Dimension // World Policy Journal. 2001-2002. Winter.